

Глава 9

Польская трясина

Все эти годы главной заботой Петра оставался Карл XII и Северная война. Через год после основания города в устье Невы, в 1704 году, Петр вознамерился овладеть двумя ключевыми твердынями Эстонии – Дерптом и Нарвой. Это должно было окончательно закрепить завоевание Ингрии и перекрыть шведам возможность наступать с запада на Петербург. В обоих городах имелись сильные гарнизоны (в одной только Нарве число защитников достигало 4500), но главные силы Карла находились в Польше и, оказавшись в осаде, города не могли бы рассчитывать на выручку.

В мае 1704 года русское войско появилось под Нарвой и расположилось вокруг города на той же осадной позиции, что и четыре года назад, когда оно потерпело поражение. Петр сам наблюдал за тем, как осадная артиллерия доставлялась на баржах из Петербурга. Русские лодки близко прижимались к южному берегу залива, и крейсировавшие шведские суда не могли настичь их на мелководье. В лагере под Нарвой Петра дожидался фельдмаршал Георг Огильви – шестидесятилетний шотландец, который сорок лет прослужил в габсбургской армии, а теперь был приглашен Паткулем на российскую службу. Рекомендательные письма Огильви произвели на Петра такое впечатление, что он, не колеблясь, поручил ему командовать армией под Нарвой. С началом осады русские несли заметные потери от огня шведских орудий и от неприятельских вылазок, но защитники быстро убедились, что русские солдаты на сей раз уже не те, что прежде. «Видно было, что они намерены добиться своего, невзирая ни на какие потери», – говорил впоследствии один из офицеров гарнизона.

Оставив Огильви под Нарвой, Петр отправился на юг, к Дерпту, который с 23 000 солдат и сорока шестью пушками с июня осаждал Шереметев. Он счел позицию Шереметева неудачной – русские орудия были нацелены на самые мощные шведские бастионы, и огонь не давал результатов. Петр приказал вести обстрел по самому уязвимому участку стены, и довольно скоро в ней была проломлена брешь. Русские войска ворвались в город, и 13 июля шведский гарнизон сдался – спустя пять недель с начала осады, но всего через десять дней после прибытия царя.

С падением Дерпта Нарва была обречена. Петр спешно возвратился к Нарве с солдатами Шереметева: теперь объединенная русская армия достигла 45 000 человек при 150 орудиях. 30 июля начался ураганный обстрел, продолжавшийся десять дней: на крепость обрушилось более 4600 ядер. Когда один из бастионов был превращен в груды обломков, Петр, как предписывалось правилами войны, предложил коменданту Горну сдать крепость на почетных условиях. Горн опрометчиво отказался, да еще сопровождал отказ оскорбительными выражениями в адрес царя. Штурм начался 9 августа, и, несмотря на упорное сопротивление шведского гарнизона, гвардейцам Преображенского полка потребовался всего час, чтобы ворваться на главный бастион и захватить его. Вслед за этим волна русской пехоты переклестнула через стены крепости и наводнила город. Теперь Горн понял, что сопротивление бесполезно, и приказал бить в барабан, вызывая неприятеля на переговоры, но было слишком поздно – никто его не услышал. Русские солдаты заволокли улицы, безжалостно истребляя всех без разбору, не щадя ни женщин, ни детей. Через два часа в сопровождении Огильви в город въехал Петр. Улицы были скользкими от крови, всюду валялись разрубленные тела шведских солдат. Из 4500 защитников гарнизона в живых осталось всего 1800. Петр послал в город трубачей трубить отбой, но разъяренные солдаты не прекращали резню. Взбешенный Петр собственноручно заколол шпагой одного солдата, отказавшегося повиноваться приказу. В городской ратуше царь положил окровавленную шпагу на стол перед перепуганными членами магистрата и сказал: «Не бойтесь! То не шведская, а русская кровь». Во время приступа погибла жена коменданта крепости, а сам он попал в плен. Когда Горна доставили к Петру, царь гневно обрушился на него за то, что тот не сдался, как только был разбит главный бастион, и не предотвратил ненужное

кровапролитие³⁷.

Победа под Нарвой была важна для России и в стратегическом, и в психологическом отношении. Она не только обезопасила Петербург от возможного нападения с запада – она воспринималась как реванш за поражение, понесенное четыре года назад на том же самом месте. Она доказала, что новая армия Петра – это уже не прежняя толпа необученных крестьян. Огильви говорил, что находит русскую пехоту ничуть не хуже немецкой, и он же как-то заметил Уитворту, что «никогда не встречал нации, которая более умело обходилась бы с пушками и мортирами». Радостное известие о победе Петр послал Августу, Ромодановскому и Апраксину. Через четыре месяца Петр вернулся в Москву, и ее мостовые вновь задрожали от тяжелой поступи победного парада. Петр во главе своих войск проехал под семью триумфальными арками; замыкали шествие 160 пленных шведских офицеров и пятьдесят четыре трофейных знамени.

* * *

Победы, которые Петр одерживал на Балтике, не слишком тревожили Карла. Он не сомневался в том, что со временем без труда рассеет армию Петра и отвоеует захваченные Россией шведские земли. Гораздо больше его беспокоило то, что его победы в Польше не принесли решающего политического успеха. Август не признавал себя побежденным и не собирался отречься от польского трона, да и польский сейм не выказывал намерения принудить его к отречению. Вместо того чтобы положить войне конец, победа над Августом под Клишовом стала лишь началом затянувшейся на долгие годы кампании, в которой шведские войска бесплодно преследовали саксонцев по широким польским просторам. Большая страна с населением в восемь миллионов человек попросту была слишком велика и для шведской, и для саксонской армии, численность каждой из которых не превышала 20 000: они могли контролировать только ту территорию, где в данный момент находились сами.

Политически безрезультатные 1702–1706 годы, проведенные в Польше, стали для Карла временем величайшей военной славы и героических деяний, о которых слагались легенды. Рассказывали, например, что осенью 1702 года, после победы под Клишовом, Карл в сопровождении 300 всадников подъехал к воротам Кракова и громко вскричал: «Открыть ворота!» Командир гарнизона слегка приоткрыл створку и высунул голову, чтобы посмотреть, кто там кричит. Карл тут же ударил его по лицу рукоятью плети, шведы ворвались в ворота, и перепуганный гарнизон сдался без единого выстрела.

Война несла с собой неизбежные тяготы для поляков. Вводя войска на территорию Польши, Карл обещал, что не потребует с населения больше, чем необходимо для содержания армии, но не прошло и трех месяцев, как он нарушил свое обязательство. После того как польские войска приняли участие в битве под Клишовом на стороне Августа, Карл решил в отместку полностью обеспечивать шведскую армию за счет населения страны. Из одного только Кракова шведы всего за три недели выжали 130 000 талеров, 10 000 пар сапог, 10 000 фунтов табаку, 160 000 фунтов мяса и 60 000 фунтов хлеба. Все глубже увязая в войне, Карл отдавал своим генералам все более суровые приказы: «Поляков должно или уничтожить, или принудить присоединиться к нам».

Под Краковом с Карлом приключился несчастный случай, после которого он остался хромым до конца дней. Во время кавалерийских учений его конь зацепился ногой за веревку, закрепляющую палатку, и упал вместе со всадником. Карл сломал левую ногу выше колена, кость срослась не слишком удачно, и одна нога оказалась короче другой. Прошло несколько месяцев, прежде чем король смог снова сесть в седло, и поэтому, когда в октябре армия

³⁷ Петр ударил офицера и дворянина Горна по лицу. Между тем комендант Нарвы исполнил свой воинский долг, как надлежало солдату, давшему присягу. Он вел себя не менее достойно, чем комендант Полтавы Келин, отказавшийся в 1709 г. сдавать врагу крепость. – *Примеч. ред.*

выступила из Кракова на север, Карла несли на носилках.

Год проходил за годом, принося Карлу новые битвы и новые победы, но до победоносного завершения войны было все так же далеко. А в это самое время одерживались и другие победы: русские осадили и взяли Шлиссельбург, установили контроль над всем руслом Невы, основали на Финском заливе город и порт, разгромили шведский флот на Ладожском и Чудском озерах, вконец опустошили плодородную шведскую Ливонию, угнали в неволю множество шведских подданных, захватили Дерпт и Нарву. Успехи русских вызвали поток отчаянных жалоб: к королю обращались и жители балтийских провинций, и шведский риксдаг, и генералы, и даже его сестра Хедвига София. Все умоляли короля покинуть Польшу, повернуть на север и спасти балтийские земли. «Для Швеции это гораздо важнее, чем решать вопрос, кому сидеть на польском престоле», – убеждал Карла его первый министр Пипер.

Всем им Карл отвечал одинаково: «Хотя бы мне пришлось оставаться здесь пятьдесят лет, я не покину эту страну, покуда Август не будет низложен». «Я бы немедленно помирился с Августом, если бы можно было положиться на его слово, – говорил Карл Пиперу, – но как только мы заключим мир и выступим на Москву, он возьмет у русских деньги и ударит нам в спину, и тогда мы окажемся еще в худшем положении, чем сейчас».

В 1704 году события в Польше стали разворачиваться в пользу Карла. Он овладел укрепленным городом Торнем (Торунь), в котором находилось 5000 саксонских солдат. Видя полное бессилие Августа и понимая, что Польша останется полем боя, пока саксонский курфюрст занимает ее престол, сейм официально объявил короля низложенным. Первоначально Карл прочил на престол Якуба Собеского, сына прославленного польского короля Яна Собеского. Но тот был предусмотрительно похищен агентами Августа и содержался под арестом в одном из саксонских замков. Поэтому Карл остановил свой выбор на двадцатисемилетнем польском магнате Станиславе Лещинском, который не выделялся блестящими способностями, но зато поддерживал шведского короля.

Избрание Станислава проводилось поспешно и бесцеремонно. На избирательный сейм, который должен был собраться 2 июля 1704 года на поле близ Варшавы, явилась жалкая горстка депутатов. На расстоянии мушкетного выстрела от места выборов стояли шведские солдаты, прибывшие под предлогом «защиты» выборщиков, а заодно и затем, чтобы те «не говорили, чего не следует». Предложенный Карлом кандидат был провозглашен польским королем.

Низложение Августа было единственной целью вторжения Карла в Польшу, и теперь поляки и шведы надеялись, что король наконец обратится против России. Но Карл еще не был готов покинуть Польшу. Папа не признал Станислава королем, пригрозил отлучением всем, кто принимал участие в его избрании, за то, что действовали по указке короля-протестанта. Почти никто из влиятельных польских магнатов на избирательный сейм не явился, и поэтому положение Станислава было весьма шатким. Учитывая все это, Карл решил остаться со своим ставленником, пока тот не будет коронован. Станислав короновался более года спустя, 24 сентября 1705 года, но обстоятельства его коронации, как и избрания, только укрепили позиции тех, кто не желал признавать его монархом. По древнему обычаю польские короли всегда короновались в Кракове, а Станислав был коронован в Варшаве, поближе к Карлу и шведской армии. Историческая корона польских королей осталась у Августа, который не признавал себя низложенным, – пришлось изготовить новую корону, скипетр и другие регалии, причем уплачено за них было из шведской казны. Карл присутствовал на церемонии инкогнито, чтобы не затмевать своего нового союзника. Но коронование шведского ставленника не добавило ему сторонников. Даже новая королева, жена Станислава, не чувствовала себя в безопасности в беспокойном королевстве мужа и предпочла поселиться в шведской Померании.

Так или иначе, теперь польский престол занимал дружественный Швеции король. Вскоре после коронации Карл и Станислав заключили союз против России. Теперь у Карла, который чувствовал свою вину перед подданными, тщетно взывавшими к нему, были

развязаны руки. И он нанес удар. 29 декабря 1705 года король снялся с лагеря под Варшавой и быстрым маршем через промерзшие реки и болота двинулся на восток, к Гродно, где за Неманом были сосредоточены основные силы Петра. Этот стремительный бросок не означал еще шведского вторжения в Россию. Для масштабного похода на Москву у Карла не было ни достаточного снаряжения и провизии, ни разработанного плана кампании. Кроме того, пока у Августа оставалась армия и он не признавал себя низложенным, Карл не мог не тревожиться за безопасность своих тылов. Поэтому он не взял в поход всю армию на случай появления саксонцев; в тылу остался Реншильд с 10-тысячным войском. Сам Карл с 20 000 солдат вознамерился посреди зимы вызвать русских на бой – царь наконец увидит блеск шведских штыков, а его солдаты на себе испытают, сколь остра шведская сталь.

* * *

После взятия Дерпта и Нарвы летом 1704 года Петр провел зиму в Москве, а в марте уехал в Воронеж, где работал на верфях. В мае 1705 года он собрался было ехать к армии, но заболел и целый месяц, пока не оправился от болезни, оставался в доме Федора Головина. В июне он нагнал армию в Полоцке на Двине, откуда она, в зависимости от обстоятельств, могла двинуться в Ливонию, Литву или Польшу. К тому времени петровская армия уже становилась грозной боевой силой. Она насчитывала 40 000 пехотинцев, обмундированных и вооруженных мушкетами и гранатами. Кавалерия и драгуны, общей численностью в 20 000 человек, были полностью обеспечены мушкетами, пистолетами и холодным оружием. Русская артиллерия располагала внушительным количеством орудий, для которых был установлен единый калибр. Как и шведы, русские взяли на вооружение легкую полевую пушку, стрелявшую трехфунтовыми ядрами и способную сопровождать кавалерию или пехоту и оказывать им в бою огневую поддержку.

Основная же проблема армии коренилась в разногласиях и трениях между русскими и иноземными командирами. Превосходная подготовка и высокая дисциплина были заслугой Огильви, который принял командование во время повторной осады Нарвы и стал вторым (после Шереметева) фельдмаршалом в русской армии. Он заботливо относился к солдатам и пользовался у них любовью, но офицеры его не слишком жаловали, тем более что Огильви не знал русского языка и вынужден был общаться через переводчика. Особенно сильные конфликты возникали у него с Шереметевым, Меншиковым и Репниным. Двое последних числились его подчиненными и были ниже по званию, но Шереметев, фельдмаршал, как и Огильви, нередко чувствовал себя ущемленным. Петр, чтобы смягчить разногласия, хотел было поставить Шереметева во главе всей кавалерии, а Огильви поручить пехоту. Но Шереметев оскорбился и написал царю о своей обиде. Петр не хотел ранить чувства заслуженного полководца – в ответном послании он объяснил, что предпринял попытку реорганизации лишь «для пользы дела». Тем не менее действие приказа царь приостановил до своего прибытия.

Чтобы покончить с этой проблемой, Петр принял решение разделить армию. Шереметев с восемью драгунскими и тремя пехотными полками общим числом в 10 000 человек был отправлен к балтийскому побережью, в то время как Огильви остался командовать основными силами в Литве. 16 июля Шереметев атаковал войска командовавшего шведскими силами в Ливонии генерала Левенгаупта, но потерпел поражение. Узнав об этом, Петр сначала отправил Шереметеву гневное письмо, в котором упрекал его за плохую выучку драгун, «о чем не раз говорено было» и в чем Петр видел причину неудачи. Но три дня спустя царь пожалел об учиненном разносе и написал новое письмо, уже совсем в иной тональности: «Не извольте о бывшем несчастье печальны быть, понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу, но [худое следует] забывать и паче людей ободрять».

Как раз в это время пришло известие об Астраханском бунте, и Шереметев с конницей был отправлен за тысячу миль – усмирять восстание. Поскольку с его отбытием общие силы

армии уменьшились, Петр на время отменил дальнейшие военные действия и приказал основной армии расположиться на зимние квартиры в Гродно, на восточном берегу Немана. От Карла до весны сюрпризов не ждали.

К сожалению, с отъездом Шереметева трения между петровскими генералами не утихли. У Огильви в подчинении оставались еще Меншиков с Репниным. Меншиков уже приобрел немалую известность благодаря успешным действиям на Неве и имел воинские заслуги, но главное – он был любимцем Петра и никому другому подчиняться не желал. Ссылаясь на свою особую близость к царю, он отменял распоряжения более опытного Огильви, говоря просто: «Сие бы государю не по нраву пришлось, он бы инако велел сие учинить, уж мне то ведомо». Затем Меншиков стал перехватывать письма Огильви к царю. Некоторые письма он попросту клал в карман, объясняя позднее Петру, что известия, содержащиеся в донесениях фельдмаршала, царь уже и так знал из его, Меншикова, докладов.

И без того непростое положение с командованием запуталось окончательно, когда в ноябре 1705 года к российской армии присоединился Август. Последнее время удача отвернулась от короля-курфюрста. Вся Польша была занята войсками Карла и новоиспеченного короля Станислава, и свергнутому Августу пришлось пробираться долгим кружным путем через Венгрию, изменив имя и внешность. Петр по-прежнему признавал его польским королем и из почтения к его сану передал ему командование армией в Гродно. Старшим после него оставался фельдмаршал Огильви. Меншиков командовал артиллерией, а Репнин и опытный кавалерийский офицер фон Карл Эвальд Ренне подчинялись обоим сразу. В такой ситуации, того и гляди, могла случиться беда.

* * *

Армия Карла совершила молниеносный бросок на восток. Двигаясь по замерзшим рекам и дорогам, Карл преодолел расстояние от Вислы до Немана – 180 миль – всего за две недели и 15 января 1706 года появился под Гродно во главе своего авангарда. Король переправился через Неман с отрядом в 600 гренадер, но увидел, что крепость слишком хорошо укреплена, чтобы взять ее с налету, и приказал разбить временный лагерь в четырех милях от города. Когда подтянулись основные шведские силы, Карл передислоцировался на полсотни миль от Гродно вверх по течению Немана, где легче было обеспечить армию провиантом и фуражом. Там он устроил постоянный лагерь, выжидая, что предпримет неприятель. Карл полагал, что оставил ему две возможности: либо выйти из крепости и принять бой, либо отсиживаться за крепостными стенами в ожидании голодной смерти.

При появлении Карла в русском лагере был созван военный совет, на котором председательствовал Август. Вопрос о нападении на шведов даже не ставился. Хотя русские войска почти вдвое превосходили шведские по численности, Петр не был еще готов рискнуть армией, на создание которой ушло так много усилий, и настрого запретил Огильви давать бой в открытом поле. Однако Огильви считал свои силы достаточными по крайней мере для того, чтобы выдержать осаду. Другие возражали: если шведы окружат крепость, армия окажется отрезанной от России и не сможет прикрывать русские границы; к тому же, хотя крепость хорошо укреплена и располагает многочисленной артиллерией, провизии едва ли хватит на длительную осаду. Они настаивали на отступлении. Огильви был ошеломлен – он решительно протестовал, указывая на превосходство русской армии в живой силе и артиллерии. Он говорил, что при отступлении им придется пожертвовать пушками, которые не удастся увезти по снегу при нехватке коней. Покинуть город в зимнюю стужу значило обречь многих солдат на гибель в пути. Шведы могут пуститься в погоню, и тогда сражение будет неизбежно, а ведь государь запретил рисковать армией. Но больше всего Огильви страшился дурной славы. Неужели он, профессиональный солдат, имея в своем распоряжении вдвое сильнейшую, чем у противника, армию, обладая подавляющим превосходством в артиллерии, без боя оставит врагу мощную крепость? Что скажет Европа?

Август, оказавшийся меж двух противоположных мнений, счел за лучшее снять с себя всю ответственность и срочно отрядил гонца в Москву к Петру, умоляя царя о «немедленном, прямом и однозначном» решении. Сам же, не дожидаясь ответа, улизнул из Гродно. Поскольку Карл ушел из Варшавы, Август увидел для себя возможность под шумок овладеть польской столицей. Он взял с собой четыре драгунских полка и пообещал Огильви, что вернется не позже чем через три недели и приведет с собой саксонскую армию. Тогда объединенные русско-польско-саксонские силы составят 60 000 человек против 20 000 шведов.

Петр находился в Москве, когда узнал о продвижении Карла в направлении Гродно. Сначала царь усомнился в этом известии и спрашивал Меншикова в письме, откуда такие сведения и можно ли им доверять: слухи о наступлении Карла распространялись и прежде. Тем не менее Петр встревожился и на 24 января наметил отъезд из Москвы. В том же письме царь жаловался на неописуемые холода, на то, что у него страшно раздуло щеку, и сокрушался, как некстати ему уезжать из Москвы именно сейчас, когда он поглощен делами по сбору податей и устранению беспорядков на Волге. Если же тревожные известия подтвердятся, ему, несмотря ни на что, придется тащиться за сотни миль. Петр просил Меншикова ежедневно докладывать ему о положении и обещал приехать при первой возможности.

Москву отделяет от Гродно 450 миль, и Петр успел преодолеть больше половины пути, когда на подъезде к Смоленску получил известие от Меншикова о том, что Карл уже под Гродно и царь не может воссоединиться со своей армией. Обеспокоенный Петр послал ряд распоряжений Огильви. Петр писал, что не возражает против обороны Гродно, если на обещанную скорую помощь саксонцев действительно можно рассчитывать, но если нет, пусть Огильви отступает к русской границе самым коротким и быстрым путем.

«Однако же, – заключал Петр в письме, адресованном Репнину, – все сие поклажаю на ваше тамошнее рассуждение, ибо нам так далеко будучи не возможно указ давать, понеже пока опишемся, уже время у вас пройдет, но что к лучшему безопасению и пользе, то и чините со всякою осторожностью. Тако ж не забывайте слов господина моего товарища [т. е. Меншикова], который приказывал вам... чтоб вы больше целость войска хранили, неже на иных смотрели. О пушках тяжелых не размышляйте; ежели за ними трудно отойти будет, то, оных разорвав, в Неметь [Неман] бросить».

Тем временем обстановка в Гродненской крепости ухудшалась. Продовольствие и фураж быстро подходили к концу. Затем русские, с нетерпением поджидавшие прибытия саксонских войск, получили ошеломляющее известие. 3 февраля 1706 года под Фрауштадтом, на силезской границе, саксонская армия, которая с учетом русских и польских вспомогательных сил насчитывала 30 000 человек, была разбита 8-тысячным шведским отрядом Реншильда. Это была самая блестящая победа Реншильда, и Карл, едва прослышав о ней, тут же произвел его в фельдмаршалы и пожаловал графский титул. С гневом и болью Петр сообщал об этом Головину: «Перед сим писал я к вам о некотором, никогда не чаемом случае, от посторонних ведомостей, ныне же подлинную ведомость о том имеем, что все саксонское войско от Рейншильдова разорено, и артиллерию всю потеряли. Ныне уже явная измена и робость саксонская [ибо 30 000 побежали от 8000] так, что конница ни единого залпа не дает, побежали пехоты более половины, киня ружье отдались, и только наших одних оставили [которых не чаю и половины в живых]. Бог весть, какую нам печаль сия ведомость принесла, и только дачею денег [Августу] беду себе купил... Вышереченное несчастье, паче же измену своему королю, изволь объявить всем, но гораздо легче, ибо уже тайна быть не может, а подлинно не большим [т. е. немногим] персонам».

Известие о победе под Фрауштадтом, ставшей еще одним подтверждением превосходства шведской армии, определило решение Петра как можно скорее отвести из Гродно свои войска. Он приказал Огильви начать отступление при первой возможности, но рекомендовал подождать, пока не вскроется лед на реке, чтобы шведы не могли пуститься в погоню. 4 апреля, по государеву повелению, русская армия, побросав пушки в Неман, начала

отступление на юго-восток, к Киеву, огибая Припятские болота.

Узнав, что русские уходят из Гродно, Карл распорядился немедленно начать преследование. Но едва шведы навели через Неман понтонный мост, как он был разрушен ледоходом и унесен быстрым течением. Прошла неделя, прежде чем королю удалось переправиться, а русская армия к тому времени была уже далеко. Карл решил сократить путь, двинувшись наперерез русским через Припятские болота. «Невозможно описать, что пришлось вынести и людям и коням, – вспоминал очевидец. – Вся эта местность – сплошная топь. И когда лед растаял, кавалерия передвигалась с превеликим трудом, а подводы глубоко увязали в грязи и их нельзя было сдвинуть с места. Королевская карета так и осталась в этих топях. Что же до пропитания, оно было так скудно, что всякий, кто в этом пустынном краю мог достать из кармана корку черствого хлеба, почитался за счастливца».

С трудом пробравшись через болота, шведы наконец вышли к городу Пинску, так и не сумев догнать русскую армию. В Пинске Карл взобрался на самую высокую колокольню и оглядел окрестности – на юге и востоке до самого горизонта простиралась болотистая пустошь. Смирившись с тем, что русской армии удалось ускользнуть, Карл остановился возле Пинска и в течение двух месяцев разорял окрестные местечки и села. Но он не был готов к ведению крупной кампании, связанной с дальнейшим продвижением на восток, и опасался за безопасность тыла; поэтому в середине лета 1706 года решил вернуться в Европу.

Известие о том, что удалось сохранить армию, чрезвычайно обрадовало Петра. 29 апреля он писал Меншикову из Петербурга: «С неописанной радостью я господина Старика³⁸ от вас с письмами получил, будучи в флоте у Кроншлота на корабле [«Олифант»] вице-адмирала, и с той же минуты благодаря Бога со всего флота и крепости трижды стреляно. Дай Боже вас видеть в радости и со всеми [т. е. с армией, без потерь], а каковы были сами радостны, и потом шумно, донесет Старик вам сам... истинно сказать, что от сей ведомости вовсе стали здесь радостны, а до того, хоть и в раю жили, однако всегда на сердце скребло. Здесь, слава Богу, все добро, и новизн никаких нет. Мы в будущем месяце поедem отсель, извольте дать ведомость, где вас встретить».

Отступление из Гродно стало концом карьеры Огильви на русской службе. Во время отхода его разногласия с Меншиковым обострились. «Командующий кавалерией [Меншиков] без моего на то ведома и от имени Вашего Величества приказал всей армии двигаться к Быхову и взял на себя верховное командование, – жаловался фельдмаршал. – Он окружил себя конной и пешей стражей, которая ни во что меня не ставит... Сколько ни бывал я на войне, но такое к себе дурное отношение повстречал впервые». Ссылаясь на слабое здоровье, он попросил царя позволить ему сложить командование и покинуть Россию. Петр согласился, принял отставку Огильви и сполна уплатил ему жалованье. Огильви же уехал в Саксонию к Августу и служил у него фельдмаршалом четыре года, до самой смерти.

Когда Карл двинулся от Пинска на запад, Петр понял, что угроза вторжения, хотя бы на время, миновала. Но поход шведского короля на Гродно был суровым предостережением. Петр уразумел, что его армия, генералы и страна не готовы ко встрече со шведами.

* * *

Между тем Карл спешно двигался через Польшу, намереваясь положить конец затянувшейся войне против Августа. В августе 1706 года король уведомил Реншильда, что он принял решение вторгнуться в Саксонию, чтобы поразить Августа в его наследственных владениях. Четыре года блужданий по Польше в погоне за неприятелем показали, что покончить с Августом на польской земле не удастся. В случае поражения Август всегда мог отступить в Саксонию, залечить там раны, собрать новые войска и, дождавшись удобного

³⁸ Под кличкой Старик (Дедушка) известен советник Адмиралтейства А. Кикин, казненный в 1718 г. по делу царевича Алексея Петровича. – *Примеч. ред.*

случая, снова объявиться в Польше.

К тому времени обстановка в Европе сложилась так, что Англия и Голландия не намеревались препятствовать вторжению Карла. После побед, одержанных Мальборо при Бленхейме в Баварии и при Рамии в Испанских Нидерландах, Людовику XIV пришлось перейти к обороне. В этих условиях вторжение шведских войск в сердце Германии уже не могло повлиять на ход войны великих морских держав против Франции, а потому их оно и не беспокоило. Кроме того, Карл обещал не вводить войска в Саксонию, если великие морские державы сумеют убедить Августа отказаться от притязания на польский трон. Те попытались, но попытка не увенчалась успехом. И тогда, не видя другого пути принудить Августа к отречению, Карл решился действовать. 22 августа 1706 года шведская армия перешла в районе Равича силезскую границу и двинулась на Саксонию. Сам Карл во главе гвардейской кавалерии первым переправился через Одер, по которому проходила граница.

Во время перехода через Силезию шведов восторженно приветствовали местные протестанты. К исходу пятого дня шведская армия достигла саксонской границы. Саксония была повержена в смятение. В памяти оживали рассказы о шведских набегах и грабежах времен Тридцатилетней войны. Семейство Августа спасалось бегством: жена поспешила под защиту своего отца, маркграфа Байрейтского, десятилетний сын был отправлен в Данию, а престарелая мать – в Гамбург. Государственная казна и драгоценности были укрыты в отдаленном замке. Государственный совет, которому принадлежала власть в отсутствие Августа, принял решение не сопротивляться шведской армии и уповать на милосердие Карла. Саксонские министры были по горло сыты польскими амбициями своего курфюрста: в попытке сохранить польский престол для своего государя Саксония уже потеряла 30-тысячную армию, 800 орудий и 8 миллионов ливров. Саксонцы устали от борьбы и твердо решили не приносить государство в жертву честолюбию государя.

Вот почему шведские войска беспрепятственно вошли в Саксонию и заняли важнейшие города – Лейпциг и столицу курфюршества Дрезден. 14 сентября Карл остановился в замке Альтранштадт вблизи Лейпцига и вступил в переговоры об условиях мира с двумя саксонскими полномочными министрами. Карл требовал, чтобы Август навсегда отказался от польской короны, признал избрание Лещинского, разорвал союз с Россией и выдал Карлу всех шведских подданных, находившихся на службе у Августа, в том числе и сражавшихся в рядах саксонской армии. Взамен Августу дозволялось сохранить титул короля; правда, именовать себя королем Польши он отныне не мог. И наконец, саксонское правительство должно было оплатить все расходы по содержанию шведской армии в предстоящую зиму. В отсутствие Августа саксонские уполномоченные приняли эти условия, и 24 сентября 1706 года был подписан Альтранштадтский мирный договор.

Не только условия мира, но и время его заключения были неблагоприятны для Августа. Пока Карл вел переговоры об отречении Августа с саксонскими сановниками, сам Август, объединившись с многочисленным конным корпусом Меншикова, двигался через Польшу против уступавших в числе войск генерала Арвида Акселя Мардефельда. Август жаловался, что ему уже нечего есть, до того он обеднел, и Меншиков выдал королю 10 000 ефимков³⁹ из собственного кармана. Царь, которому незадачливый союзник стоил уже многих тысяч солдат и рублей, был раздосадован, услышав об этом: «Писал ваша милость, что король скучает о деньгах. Сам ты известен, что от короля всегда то: „дай, дай, деньги, деньги!“ – в чем сам можешь знать, каковы деньги и как их у нас мало; однако ж ежели при таком злом случае постоянно король будет, то, чаю, надлежит его в оных крепко обнадежить при моем приезде, который я потщусь самым скорым путем исправить».

В это самое время, когда Август находился под защитой русских войск и только что воспользовался великодушием Меншикова, он получил тайное сообщение об итогах саксонских переговоров. От Меншикова он это известие скрыл, но все же его положение все равно оказалось чрезвычайно затруднительным. По условиям мирного соглашения, ему

³⁹ Ефимок – русское название талера, большой серебряной монеты. – *Примеч. ред.*

надлежало разорвать союз с Россией и прекратить войну, а он находился при русской армии, готовой со дня на день атаковать шведов. Август попытался предотвратить сражение и отправил секретное послание Мардефельду, в котором сообщал о заключенном мире и упрашивал генерала отступить, не ввязываясь в сражение. Но тут-то Август стал жертвой собственной репутации: двуличность и интриганство короля были слишком хорошо известны, поэтому Мардефельд воспринял послание как хитрую уловку и оставил его без внимания. 18 октября 1706 года произошло сражение при Калише. В продолжавшейся три часа битве русские войска – недавние союзники Августа – нанесли тяжкое поражение шведам, с которыми его послы только что подписали мирный договор. Для Петра эта победа имела большое значение. Хотя русские по количеству почти вдвое превосходили шведов, до сих пор шведским солдатам удавалось справляться и с более многочисленным противником. К тому же это была первая победа, одержанная Меншиковым самостоятельно в качестве командующего армией. Радости царя не было предела.

Август, которого победа русских повергла в замешательство, отчаянно лавировал между Карлом и Петром. Он написал Карлу письмо, в котором сожалел о произошедшем сражении и приносил извинения за то, что не смог его предотвратить. Более того, Август убедил ни в чем не подозревавшего Меншикова передать ему всех захваченных в плен шведов – 1800 человек – и отпустил их под честное слово в шведскую Померанию, так что следующей весной они могли снова встать в строй.

Но в то же время Август старался не разгневать Петра. В беседе с князем Василием Долгоруким, царским послом в Польше, он объяснял, что у него не было выбора: не мог же он допустить, чтобы Саксония была разорена войсками Карла, а другого способа спасти свою родину, кроме как отказаться от польского трона, Август не видел. Однако он заверил Долгорукого, что это всего лишь временная уловка и, чуть только шведская армия оставит Саксонию, он разорвет договор, наберет новое войско и снова выступит на стороне Петра.

30 ноября Август прибыл в Саксонию и встретился с Карлом в Альтранштадте. Он принес личные извинения за то, что случилось при Калише, и Карл их принял, но настоял, чтобы Август подтвердил свое отречение, отправив Станиславу собственноручное поздравление с восшествием на польский престол. Август теперь полностью зависел от Карла и был вынужден проглотить и эту горькую пилюлю. А Карл без ложной скромности писал в Стокгольм: «В настоящее время курфюрст Саксонии – я».

Короли, приходившиеся друг другу двоюродными братьями (их матери, датские принцессы, были родные сестры), отлично ладили. «Он жизнерадостный весельчак, – писал Карл сестре о своем кузене. – Ростом не слишком высок, но крепко сложен, даже несколько тяжеловат. Парика он обычно не носит, а свои волосы у него очень темные». Но зимой 1706 года стало ясно, что Август не торопится претворять условия договора в жизнь. Особенно это касалось статьи 11, которая была внесена специально, чтобы заполучить ливонского поджигателя войны – Иоганна Рейнгольда Паткуля.

Он, а не Август больше всех и пострадал от Альтранштадтского мира. Ливонский дворянин и непримиримый враг Швеции, всеми силами содействующий разжиганию Северной войны, вызывал особую ненависть Карла. Поэтому в Альтранштадтском договоре и появилась статья 11, которая предусматривала выдачу Августом Карлу всех шведских «изменников», нашедших прибежище в Саксонии. Имя Паткуля стояло в списке первым. То, что произошло потом с Паткулем, вероломство Августа и мстительность Карла ужаснули всю Европу.

Паткуль был человек незаурядный, одаренный и своенравный. В начале войны он служил генералом в армии Августа, был ранен и во время лечения подал прошение об отставке, так как его не устраивало отношение Августа к своим союзникам. Петр, который высоко оценил способности Паткуля, немедленно пригласил неприкаянного лифляндца в Москву и убедил его поступить на российскую службу в чине тайного советника и генерал-лейтенанта. Пять лет Паткуль усердно служил Петру, но его высокомерная манера держаться доставила ему немало недругов. Он поссорился с Матвеевым в Гааге и с Голицыным в Вене.

Долгорукий в Варшаве в конце концов отказался даже от переписки с ним и сообщил Федору Головину: «Я чаю, ведом вам Паткуль. Не токмо словесы его, но и всякую буквицу в оных надлежит глядети со тщанием. Ежели он в дурном гуморе [настроении] пишет, то и Господа Бога не пощадит».

По иронии судьбы в последующих событиях, которые привели Паткуля к гибели, сыграли роль не худшие свойства его натуры – главным образом сочувствие к жалкому положению русских войск, посланных Петром на помощь Августу. Летом 1704 года под командованием князя Дмитрия Голицына из Киева выступили одиннадцать русских полков общей численностью 9000 человек и трехтысячный казачий отряд, чтобы соединиться с Августом в Польше. По их прибытии Паткуль, как тайный советник и генерал-лейтенант русской службы, бывший выше Голицына чином, принял у него командование. После скоротечной осенней кампании 1704 года Паткуль получил предписание Августа отступить в Саксонию. Но в Саксонии никому не было дела до его солдат. Здешние министры знать ничего не хотели о русских войсках, присланных в помощь Августу, и отказывались размещать их на постой и кормить. Солдаты месяцами не получали жалованье, а если и получали, то саксонские торговцы отказывались принимать русские деньги. В прохудившихся, оборванных мундирах босоногие русские солдаты представляли собой столь нелепое зрелище, что собирали толпы зевак. Похоже было, что зимой им предстоит голодная смерть. Но о солдатах неустанно хлопотал Паткуль. Он обвинил саксонских министров в том, что, отказывая ему в провианте и зимних квартирах, они нарушают волю курфюрста. Он беспрестанно писал Петру, Головину и Меншикову, до какой степени бедственное положение армии позорит российского государя. Ему отвечали, что вернуть войска домой невозможно, поскольку дорога через Польшу блокирована шведами. В конце концов, чтобы хоть как-то поддержать солдат, Паткуль под свою ответственность взял в кредит большую сумму денег. Весной он одел солдат в новые мундиры, и к лету их внешний вид изменился настолько, что они, по признанию саксонских обывателей, стали выглядеть ничуть не хуже немцев. Но денег из России по-прежнему не поступало, а кредит Паткуля подходил к концу.

В качестве крайнего средства Паткуль предложил отдать русских солдат внаем в австрийскую службу – это по крайней мере обеспечило бы их деньгами и провиантом. Головин ответил, что, если другого выхода нет, государь не будет возражать. В декабре 1705 года, заручившись согласием подчиненных ему русских офицеров, Паткуль подписал контракт, по которому русские войска нанимались на службу к австрийскому императору на срок в один год.

Саксонские министры переполошились: они опасались, как бы на них не обрушился гнев обоих государей – и саксонского, и русского, когда те узнают, что русские солдаты потеряны для общего дела из-за нежелания Саксонии прийти им на помощь. В Дрездене Паткуля ненавидели давно. (Он никогда не проявлял осторожности в переписке, резко обличая саксонских сановников в неспособности и продажности, что, благодаря разным доброхотам, не было для них тайной.) Да и сам Август не слишком ему доверял. «Я хорошо знаю Паткуля, – жаловался он Долгорукому, – и его Царское Величество тоже скоро поймет, что Паткуль бросил службу у своего государя [Карла] лишь для корысти и своих умыслов».

В итоге продиктованная лишь милосердием передача русских войск Австрии навлекла на Паткуля несправедливое обвинение в измене. Хотя саксонские министры хорошо знали все обстоятельства дела, они вменили Паткулю в вину то, что, выведя тысячи русских солдат из подчинения Августу, он нанес ущерб его интересам. Паткуля было приказано арестовать. А Паткуль, уставший все время находиться между молотом и наковальней в большой политической игре, потерявший всякую надежду на осуществление своих планов относительно Ливонии, задумал жениться на богатой вдове и мирно жить с ней в Швейцарии, где он, кстати, уже и поместье купил.

Но едва Паткуль вернулся от своей невесты, к которой он ездил обручиться, как его схватили, отвезли в замок Зонненштейн и бросили в камеру, где первые пять дней он не имел

ни еды, ни постели. Арест Паткуля вызвал возмущение в Европе – иностранный посланник суверенного государя арестован за то, что выполнял свои прямые обязанности! Датский и имперский послы в Дрездене заявили протест и покинули столицу Саксонии, мотивировав свои действия тем, что оставаться там небезопасно. Имперский посол отверг обвинение в измене, заявив, что лично видел данное Паткулю из Москвы разрешение на передачу войск. Князь Голицын, к которому теперь вновь перешло командование русским корпусом, хотя и не любил Паткуля, потребовал его немедленного освобождения, считая этот арест оскорблением своего государя.

Саксонские министры испугались, что зашли слишком далеко, и обо всем доложили Августу в Польшу. Август ответил им, что одобряет их действия, а Петру кратко написал, что саксонский тайный совет был вынужден отдать приказ об аресте Паткуля и что эта мера – в их общих интересах. Составить обвинительный акт было поручено генерал-адъютанту короля Арнштедту. Он взялся за это с большой неохотой и тайно писал Шафирову в Москву: «Я предпринимаю все, что в моих силах, чтобы спасти его. Необходимо, чтобы вы делали то же. Нельзя допустить, чтобы погиб такой прекрасный человек».

Петр был согласен с Августом лишь в том, что Паткулю следовало дожидаться более определенного приказа, прежде чем передавать Австрии вверенные ему войска. Царь потребовал, чтобы пленника немедленно отослали в Россию, где будут расследованы все выдвинутые против него обвинения. В конце концов, Паткуль состоял на русской службе и речь шла о российских солдатах. Август отвечал отговорками и проволочками. В феврале 1706 года Петр снова потребовал возвращения Паткуля. Но в это время шведы стояли лагерем под Гродно, и саксонские министры понимали, что царь не в силах вмешаться в ход событий. Паткуль остался в заточении.

Затем последовало стремительное возвращение Карла из-под Гродно, вторжение шведской армии в Саксонию, капитуляция Августа и Альтранштадтский мир. Выдача Швеции Паткуля и других «изменников» была одним из условий мирного договора⁴⁰. Август попал в ловушку. Не освободив Паткуля своевременно, он был вынужден теперь выдать его Карлу. Август изворачивался, как мог. Он послал к Петру генерал-майора Гольца, уверяя царя, что Паткуль ни в коем случае не будет выдан шведскому королю. Петр не верил этим обещаниям и, опасаясь за жизнь Паткуля, обратился за поддержкой к императору, к королям Пруссии и Дании и к Нидерландским Генеральным штатам. Каждого из них он просил убедить короля Швеции снискать себе славу великодушного монарха и отказаться от безбожной и варварской расправы.

Как ни затягивал Август выполнение 11-й статьи договора, Карл был непреклонен, и в ночь на 27 марта 1707 года Паткуль был передан в руки шведов. Три месяца его содержали в каземате Альтранштадтского замка, заковав для пущей надежности в тяжелые цепи. В октябре 1707 года он предстал перед шведским военным трибуналом. Карл настоял на том, чтобы судьи отнеслись к обвиняемому «с особой строгостью». Шведский суд приговорил Паткуля к колесованию, обезглавливанию и последующему четвертованию. Палач – местный крестьянин – нанес пятнадцать ударов кувалдой, переломав ему руки и ноги, а затем грудную клетку. Не в силах выносить мучения, Паткуль громко стонал и кричал от боли, а затем, уже лишившись голоса, хрипло взмолился: «Отруби мне голову!» Неопытному палачу пришлось нанести крестьянским топором четыре удара, прежде чем голова отделилась от туловища. Тело было четвертовано и выставлено на колесе на всеобщее обозрение, а голова насажена на кол у дороги.

⁴⁰ Формально шведы имели право так действовать – Паткуль был подданным шведского короля и присягал ему в верности как подданный и дворянин. – *Примеч. ред.*